

ству и посѣтителямъ, которые выразили Г-жѣ Пероцкой искреннее чувство своего уваженія и благодарности: первый тостъ выпить былъ за здравіе Великаго Благочестивѣйшаго Монарха Русскаго, хранящаго неприкосновенными все основы царства русскаго и между ними православную вѣру нашихъ отцевъ и праотцевъ. Затѣмъ предложены были тосты за здравіе Его Преосвященства, Преосв. Гурія, Епископа Таврическаго и Симферопольскаго, употребившаго энергическія мѣры скорѣйшему созданію храма, Строительницы храма, за настоятеля съ братією Успенской Бакчисарайской обители, за новопосвященнаго о. Ректора Семинаріи, архимандрита Арсенія и за всѣхъ участвовавшихъ въ трапезѣ.

П

РѢЧЬ

Преосвященнѣйшаго Гурія, Епископа Таврическаго и Симферопольскаго къ новопостриженному священно-иноку Арсенію.

Возлюбленный о Господѣ братъ священно-инокъ Арсеній!

Наконецъ Господь исполнилъ во блажихъ желаніе твое! Пс. 102 ст. 5. Ты облеченъ въ ризу спасенія и одеждою радованія одѣянъ! Благовременно теперь сказать: *да возрадуется душа твоя о Господѣ!* да возрадуется радостію глубокою, полною, неотъемлемою, но и претрепетною! Обѣтъ, торжественно тобою произнесенный — обѣтъ великій и священный — слышали не мы только; его слышала и слушая радовалась вся церковь первородныхъ, на небесахъ написанныхъ; Евр. 12 ст. 23, его слышала и милостиво приняла самъ Господь. Ты теперь воинъ христовъ, записанъ и состоишь въ службѣ при особѣ Царя Царствующихъ! Внемли убо; *уготови душу твою во искушеніе*; постарайся, чтобъ нетлѣнный свѣтъ радости Господней не померкъ въ тебѣ какъ либо!

При новомъ, почетнѣйшемъ положеніи въ средѣ христіанъ Господь далъ тебѣ и имя новое, какъ знаменіе обновленія всепрощающей бла-

годати, какъ залогъ новой, обильнѣйшей благодатной помощи въ предстоящей борьбѣ со врагами нашего спасенія. Съ радостію принявъ этотъ особенный знакъ милости Божіей, не умели и съ своей стороны показать особенное большое усердіе и ревность къ дѣлу, на которое посвятилъ себя! Не думай, Возлюбленный, что дѣло это — разумно борьбу со врагами нашего спасенія — дѣло знакомое, по тому что оно тоже самое, что было и до селѣ. То правда, что у монаховъ не другое какое, а тоже самое евангеліе, что и у мірянъ, что жить цѣломудренно, нестяжательно, въ послушаніи, постѣ и молитвѣ обязаны не монахи только, но и всѣ христіане, — такъ какъ всѣ мы — и монахи и міряне — составляемъ одно христово воинство, у всѣхъ одно общее дѣло, тѣже враги спасенія, тоже оружіе, тоже знамя, тотъ же Вождь — Начальникъ и Совершитель спасенія нашего — Господь Иисусъ, таже и надежда блаженной жизни со Христомъ въ Богѣ. Но положеніе, въ какое становятся монахъ и мірянинъ къ общему дѣлу — борьбѣ со врагами — производитъ огромную разницу. Мірянинъ свою дѣятельность въ подвигахъ благочестія естественно дѣлитъ между Богомъ и семьей, — имѣетъ смѣну съ своихъ часовъ, трудится съ роздыхомъ, и во всякомъ случаѣ въ удобствахъ жизни, въ семьѣ, въ дружескомъ участіи близкихъ себѣ имѣетъ безопасную, всегда готовую для себя пристань, гдѣ можетъ укрываться отъ тревоженій житейскихъ и нападений вражескихъ. Монахъ, сознательно повторивъ обѣты, даваемые каждымъ христіаниномъ при крещеніи, отказывается отъ удобствъ жизни и правъ семейныхъ, отказывается отъ собственности, даже отъ самаго себя, все свое и самаго себя всецѣло посвящаетъ Христу и какъ бы поступаетъ на безсмѣнную службу при особѣ своего Царя и Господа. Употребляя сравненіе, различіе это можно еще яснѣе выразить такъ: мірянинъ подвизается въ общемъ строѣ Христова воинства, за стѣнами хорошо вооруженной крѣпости; монахъ же выходитъ на единоборство. Для нападений вражескихъ онъ представляетъ видный, отовсюду открытый предметъ. Разница въ положеніи, степени опасности и труда — очевидная. Отъ него — отъ этого христова ратоборца — требуется большая осмотрительность, неистощимое терпѣніе, непобѣдимое

мужество — ежечасно ждать, принимать и отражать прилоги вражи. Подвигъ высочій! Потому-то въ очахъ Божиихъ и цѣна этому подвигу высокая.

Внемли себѣ! Втор. 15 ст. 9. Вступай въ борьбу безъ боязни, съ полною увѣренностію въ помощь Божію, но всего больше берегись самонадѣянности. Это *наша* слабая сторона. Врагъ силенъ только нашею немощію; побѣждаетъ насъ не открытою силою, въ честномъ бою, а обманомъ, лестию, коварствомъ, иногда принимая видъ даже *ангела свѣта* II Кор. 2 ст. II. Предварившіе насъ подвижники христіанскаго благочестія опытно дознали и утверждаютъ, что *грѣхъ* невозможенъ безъ *пожеланій*; а пожеланія въ нашемъ сердцѣ не возникаютъ, если человѣкъ не полюбитъ *мысли* о желаемомъ предметѣ. Кто отсѣкъ приразившуюся какою либо грѣховную мысль, тотъ тѣмъ самымъ устранилъ и *пожеланіе* и самый *грѣхъ*. Такимъ образомъ весь трудъ духовной жизни къ движению мыслей и расположеніямъ сердца. Здѣсь — въ сердцѣ, въ его движеніяхъ — *исходища живота*, отсюда возникаютъ *помысленія злая*, Матѣ. 15 ст. 19. которыя зачинають грѣхъ и рождаютъ беззаконіе. ***Всячьмъ храненіемъ блюди сердце твое!*** Притч. Сол. 4 ст. 23. Преподобный Іоаннъ, писатель лѣтвицы, на этотъ случай даетъ монахамъ такой совѣтъ: ***стань въ дверяхъ сердца твоего и именьмъ Іисуса бій супостаты!*** ***Ни на земль, ни на небь нѣтъ оружія крѣпчайша!*** Эту же мысль за долго прежде его выразилъ и вѣтхозавѣтный мірянинъ — подвижникъ въ 136 псалмѣ сказавъ: ***дщи вавилоня, окаянная! Блаженъ изже иметъ и разбьетъ младенцы твоя о камень!*** Грѣховныя мысли, которыя врагъ постоянно сыплетъ на насъ, какъ пыль, подлинно суть младенцы грѣхолюбиваго Вавилона. Пока онѣ младенцы онѣ невинны и безсильны. Пользуйся, Братъ! этою порою; какъ скоро замѣтишь возникновеніе неподходящей мысли, тотчасъ же бери и разбивай ее о камень, который — по апостолу — есть Христосъ! Иначе, если дашь ей усилиться, перейти въ чувство, свить гнѣздо въ сердцѣ — грѣхъ неизбеженъ, и блаженство чистыхъ сердцемъ исчезнетъ.

Молитва Иисусова да будет неотступно въ твоёмъ умѣ, сердцѣ и устахъ! По совѣту Златоустаго молитва эта не для монаховъ только, но и для всѣхъ христіанъ должна составлять постоянное дѣланіе, обычное занятіе — а тѣмъ болѣе для монаховъ — до тѣхъ поръ, пока *сердце полотитъ Господа и Господь сердце и будутъ два сія едию!*

Господь да поможетъ намъ въ нашемъ подвигѣ, да защититъ и сохранитъ насъ отъ козней вражїихъ во славу пресвятаго Своего Имени!

Возмогай о Господь!

Успенскій Скитъ, 26 Апр. 1875 г.

III.

СЛОВО

въ день освященія церкви святаго Великомученика Георгія, на кладбищѣ Бакчисарайскаго Успенскаго Скита, произнесенное архимандритомъ Антоніемъ 27 Апрѣля.

Св. церковь, въ настоящій день, празднуетъ память св. женъ мученицъ и праведнаго Иосифа съ Никодимомъ. За какія же особенныя добродѣтели и подвиги почтена церковію память ихъ, непосредственно послѣ праздниства Воскресенія Христова? Въ Иосифъ и Никодимъ мы видимъ однихъ изъ потаенныхъ учениковъ, которые рѣшились оказать умершему Учителю послѣдній долгъ дружбы и уваженія. Чтобъ объявить себя предъ цѣлымъ народомъ Іудейскимъ послѣдователями Иисуса уже умерщвленнаго требовалось чрезвычайное мужество.

Опасность угрожала имъ со стороны первосвященниковъ, которые на Покушеніе погребсти Спасителя съ честію смотрѣли какъ на возмущеніе противъ синадрїона, тѣмъ болѣе опасное, что его предпринялъ теперь знаменитый членъ Синадрїона. Въ Св. женахъ мученицахъ мы видимъ подвигъ мужественнаго присутствія у креста Иисусова на Голгофѣ, ихъ участіе съ Иосифомъ и Никодимомъ въ погребеніи и наконецъ ихъ утреннее путешествіе ко гробу Жизнодавца съ ароматами и муромъ для помазанія пречистаго Его тѣла. Вотъ добродѣтели и подвиги ублажаемыхъ нынѣ Церковію. Между многими перемѣнами произведенными Христіанскою религіей въ человѣческомъ родѣ, ни одна быть можетъ не была такъ велика, какъ перемѣна въ обхожденіи и погребеніи умершихъ. Самыя образованныя изъ языческихъ націй, не исключая Іудеевъ, обыкновенно, смотрѣли на мертвеца, какъ на